

О. Д. Шемякина¹У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
РУССКИЙ ОПЫТ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Процесс образования современных наций и национальных государств — длительный и конфликтный по отношению к той модели идентичности, которая была характерна для эпохи Средневековья. Если характеризовать идентификационную модель средневекового общества в самом сжатом виде, то нужно отметить следующее. Священные языки христианских политических сообществ были пропитаны импульсом, в значительной степени чуждым национализму, — импульсом к конфессиональному обращению, в результате чего возникли глобальные сообщества прошлого (достаточно вспомнить православный Восток или латинский Запад). В то же время социальная структура и политическая система были центрированными и иерархическими. Постепенное падение статуса священного языка, например латыни в странах Западной Европы (если Декарт большую часть переписки вел на латыни, то уже у Вольтера практически вся переписка велась на родном языке)², происходило на фоне глубоких политических изменений в обществе и социальной структуре. Династическое государство, которое представлялось большинству людей единственно вообразимой политической системой, тоже приходит в упадок, и появляются новые формы организации политической жизни. В средневековых королевствах все было организовано вокруг высшего центра власти, его легитимность исходила от Бога, а не от населения, которое рассматривалось как масса подданных, а не граждан. В современном же представлении «государственный суверенитет полностью, монотонно и равномерно распространяется на каждый квадратный сантиметр законодательно ограниченной территории. В старом же воображении, в котором государства определялись центрами, границы были проницаемыми и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой. Довольно парадоксально, но именно отсюда вытекает та легкость, с которой досовременным империям и королевствам удавалось на протяжении длительных периодов времени удерживать под своей властью чрезвычайно разнородные и часто даже территориально не соприкасавшиеся друг с другом населения»³.

Современные нации, даже самые крупные, имеют конечные, хотя и подвижные границы, и ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством. Для современных наций значима идея народного суверенитета, свободы от средневековых иерар-

хий, поэтому для них так важны горизонтальные связи, именно поэтому нацию можно понимать как «глубокое горизонтальное товарищество»⁴.

Однако ничего в человеческой истории не рождается на пустом месте. Культурные корни, сформировавшие современные национальные государства, уходят в предшествующий период. Разве возможны были бы идеи, связанные с современными нациями, без коммуналной революции в Европе X–XIII веков, без полицентризма власти (духовной и светской), без значимости культуры сомнения в христианстве, породившей потребность переобоснования существующего миропорядка? Возможно ли было рождение новоевропейской науки без мертвого языка — латыни, языка, ставшего транснациональным для европейских интеллектуалов?

Осознавать демаркации, определившие границы нового качества, связанного с появлением современных наций, безусловно, необходимо, но не менее важной представляется задача изучения нациогенеза. А он в каждой стране имел свою специфику. Изучать особенности нациогенеза в истории России невозможно, абстрагируясь от истории вечевых практик, специфики концепта «земля», раскрывающегося в практиках земских соборов, истории плюрализма власти (духовной и светской), истории утопии, реализованной как в воображении, так и в культурных практиках, потому что именно утопия множила плюрализм сакральных locus. И даже несмотря на то что некоторые из этих практик имели тенденцию к затуханию еще в пределах предшествующего периода истории, идеи и идеалы, связанные с ними, продолжали жить.

В своем докладе мне хотелось бы остановиться на некоторых проблемах протонационального самосознания, являющихся дискуссионными в исторической науке. Так, например, М. В. Дмитриев считает, что в основе протонациональной идентичности в Древней Руси лежал византийский опыт, в котором вероисповедный принцип поглощал этническое начало⁵, а на средневековом Западе протонациональное самосознание опиралось на атрибуцию политическим сообществом неких этнических черт. А. И. Рогов и Б. Н. Флоря в очерке, посвященном этническому самосознанию в Киевской Руси, констатировали, что автор «Повести временных лет» не нашел слова для обозначения всей общности славян, живущих на Руси, тогда как чешские и польские хронисты (Козма Пражский и Галл Аноним) пишут о поляках и чехах. Кроме того, как отметил Б. Н. Флоря, с середины XII века племенные названия из летописи исчезают, их заменяют названия от областного центра (новгородцы, пскови-

¹ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «К вопросу о манихеогностическом комплексе в научном дискурсе и конфессиональном тексте», «К вопросу об определении границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Древние духовные практики как реальность глобальной истории» и др.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 42.

³ Там же. С. 43.

⁴ Андерсон Б. Указ. соч. С. 32.

⁵ Дмитриев М. В. Христианское и национальное в византийско-русской традиции // Христианство, культура и нравственные ценности: материалы Междунар. конф., Москва, июнь 2007 г. / под ред. А. Л. Беглова, Е. С. Токаревой, Н. Т. Энеевой. М., 2008. С. 96–116.

чи, полочане), и в этом видно выражение областного, а не этнического самосознания. Б. Н. Флоря отмечает, что в этом отношении ситуация не такова, как на Западе, где новые княжества виделись как продолжатели племенных союзов (Саксония, Бавария), а законы создавались на базе племенного права (Саксонская правда, Баварская правда)¹.

Изучение известий Тверского летописного сборника второй половины XV века, так называемого Никоновского свода первой трети XVI века, «Временника» дьяка Ивана Тимофеева и некоторых других источников, привело ряд авторов к выводу о том, что этнонациональное было полностью растворено в метафизически-конфессиональном, и поэтому вплоть до конца XVII века в России национальная идентичность мыслилась исключительно в представлении о правящей династии и религии².

Внешняя схожесть с византийским имперским дискурсом не является, на мой взгляд, достаточным основанием для того, чтобы интерпретировать отсутствие интереса к этническим различиям в русских источниках только как результат трансляции византийской идентификационной модели. Отношения Древней Руси с Византией развивались непросто. С самого начала Крещения Руси было стремление к обретению культурного суверенитета и автокефалии, поэтому вряд ли можно обоснованно говорить об автоматизме трансляции модели, исходящей от страны-крестницы.

Трудно представить бесконфликтность трансляции византийской модели, хотя бы учитывая тот факт, что в официальную доктрину великой христианской державы включался тезис о бесспорном праве на идеологическую и политическую опеку над народами, принявшими от нее Крещение. Привычное презрение к неофитам византийцы сохраняли всегда, нередко демонстрируя его открыто. Даже через 100 лет после Крещения русов византийские авторы говорили о них как о язычниках³. И это вызывало ответную реакцию — формировался отрицательный стереотип, в котором византийцы именовались не ромеями, а греками, причем малодушными, коварными и лживыми⁴. Получение письменности на родном языке создало прецедент культурной диглоссии (переводы книг с греческого, а богослужение на родном), что и способствовало стремлению к культурной автономии, нашедшему яркое и однозначное выражение в выдающемся памятнике литературы Древней Руси — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Восхищение открытостью «новых народов» «благодатному учению» пе-

рерастает в проповедь всеобщего равенства и равноправия населения стран — «во всех языцех спасение твое»⁵. Возможная причина отсутствия интереса к этническим различиям была связана со стремлением ухода от давления византийского цивилизующего центра, стремившегося доминировать над «варварской» периферией.

Хотелось бы отметить еще одну отличительную черту культурной ситуации в Древней Руси, отличающую ее от латинского Запада. Возможность богослужения на родном языке снимала оппозицию, связанную со значимостью деления людей на грамотных и неграмотных. Первые — образованные, то есть знающие латынь. Вторые — неграмотные — идиоты. Идиот (калька с латыни) в тогдашнем понимании — человек, который довольствуется знанием лишь грубого родного языка, данного ему от рождения, между тем как со знанием латыни не рождаются, его приобретают упорным, длительным трудом⁶. Предельное выражение эта тенденция нашла в институте конверзов в монастырях цистерцианцев — «бородатая братия» была на особом положении, будучи жестко отделенной от образованных монахов. Конверзы должны были выполнять грязную и тяжелую работу, читать они не умели, более того, устав запрещал им раскрывать книгу⁷.

Особенности условий принятия христианства в Древней Руси с начального периода русской истории после Крещения приводили к переосмыслению некоторых иерархических оппозиций, значимых как для латинского Запада, так и для православного Востока.

И еще об одной особенности, связанной с языком. Древняя Русь контактировала не только с латинским Западом и православным Востоком, но и с чрезвычайно разнообразными финно-угорским и тюркским мирами, постепенно входившими в русское культурное пространство. Удерживать это конфессиональное и культурное многообразие, формируя горизонтальные связи, помогало распространение русского языка, языка не аналитического, а синтетического, обладающего огромным потенциалом к формированию пространства диалога.

Введение в идентификационную модель языковой составляющей дает возможность понять один из путей выстраивания горизонтальных связей в культурном пространстве России. Связей, которые входили в конфликт с иерархическими ценностями средневекового общества и заложили основы для формирования «глубокого горизонтального товарищества», без которого было невозможно конструирование современной нации.

¹ Цит. по: Дмитриев М. В. Указ. соч. С. 103.

² Там же. С. 103–107.

³ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 346.

⁴ Там же. С. 347.

⁵ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997. С. 122.

⁶ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 16.

⁷ Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 102.